

ЕЖИ СКОЛИМОВСКИЙ:

Киновизура. - 1996. - 31 сентяб. - с. 14.

Америка не знает европейского кино

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ

Творческая судьба польского режиссера Ежи Сколимовского развивалась по тому же печальному сценарию, что и путь многих деятелей искусства в тоталитарных государствах: свободу самовыражения можно было обрести только ценой расставания с родиной. Сколимовский уехал из Польши в 1967 году, после запрета его фильма "Руки вверх", а работа на Западе принесла ему мировую славу: картина "Старт" получила приз "Золотой медведь" на Международном кинофестивале в Западном Берлине, "Крик" — специальный приз жюри Каннского фестиваля, "Плавучий маяк" — специальный приз за режиссуру на Венецианском киносмотре. Сколимовский снял около 16 полнометражных картин с участием Джинны Лоллобриджида и Анук Эме, Клаудии Кардинале и Джереми Айронса, Настасьи Кински и Майкла Йорка, а также множества других кинозвезд. Стоит ли говорить, что зрители и России, и Восточной Европы были лишены возможности познакомиться с творчеством режиссера, оказавшегося "по ту сторону баррикад". Этой осенью Ежи Сколимовский впервые приехал в Россию, состоялись почти премьерные для нашей страны показы его картин, а сам мастер с удовольствием познакомился с Москвой, где ему предстоит снимать свою будущую картину. Он пообщался с кинематографистами и провел встречу со студентами ВГИКа, после которой нам и удалось побеседовать.

Много уже было сказано о переменах в искусстве Восточной Европы, в том числе и в кинематографе. Были ли, на ваш взгляд, эти перемены только следствием политических веяний или развитие искусства диктовало свои законы самостоятельно?

— Самостоятельно? Нет, с этим я не соглашусь. Естественно, мне ближе всего пример Польши, и в нашем кино до самых последних мгновений существования режима все усилия художников были направлены на то, чтобы в завуалированной форме донести до зрителя свой антикоммунистический "подтекст". Сейчас все это уже как бы в прошлом, искусство освобождено от бесконечного муссирования тем политико-социальных протестов, и важно прежде всего то, сколько человек захотят посмотреть тот или иной фильм.

— Как вы относитесь к прошлому, о котором говорите?

— Прошлое — это наша история, к которой нельзя относиться неуважительно. К нему нужно возвращаться постоянно, в нем можно найти массу тем для кино, будь то 1953, 1976 или 1989 годы. История служит необходимой канвой, по которой мы "вышиваем собственные узоры".

— Один из ваших фильмов, "Король, дама, валет", снят по мотивам повести Владимира Набокова. Не является ли для вас фигура Набокова своего рода символом писателя в эмиграции, к тому же являющегося представителем русской культуры?

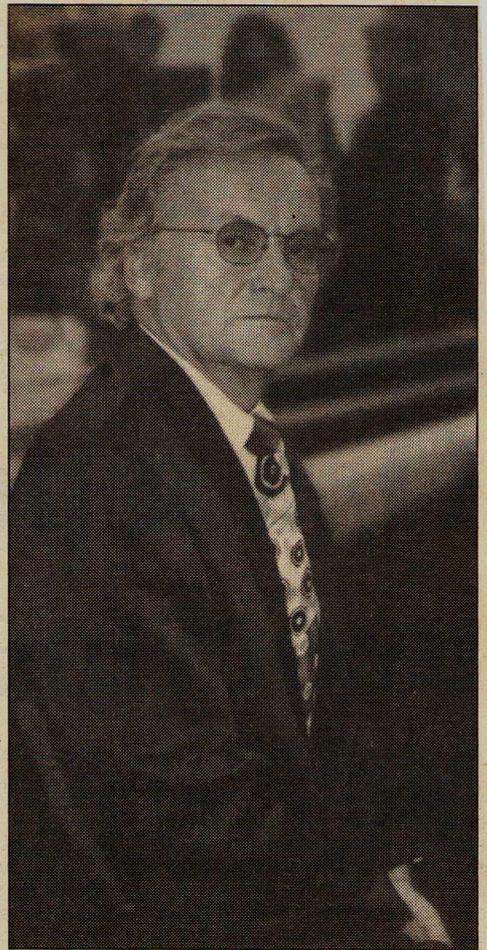
— В какой-то мере это так, тем более что Набоков принадлежит к эмигрантам особого рода. Я уверен, что хотя он писал и по-английски, думал-то, очевидно, все равно по-русски. Вообще когда автор начинает переходить на другой язык, порой происходят совершенно неожиданные вещи. По аналогии с Набоковым мне вспоминается Джозеф Конрад, который выучил английский, когда ему было 23 года, а затем стал англоязычным писателем.

— В чем разница между польским кино, которое смотрят на Западе, и тем, которое интересно зрителям в самой Польше?

— Честно говоря, я не думаю, что на Западе смотрят польское кино и вообще

интересуются "польской темой". События, происходящие в Польше, так долго были в центре внимания средств массовой информации, в "горячих" новостях и заголовках газет, что это уже немного приелось. А в Америке, если совсем честно, европейское кино вообще никого не интересует. На экраны США выходит такое ничтожно малое количество фильмов из Европы, буквально один процент, что и говорить об этом бессмысленно. Фестивальный успех? В Штатах, как ни парадоксально, он ничего не значит. Я вас уверяю, что практически ни один американский режиссер не скажет вам, кто получил Гран-при на последнем Каннском фестивале. Ни в одном центральном кинотеатре вы не увидите французских, итальянских, немецких фильмов, английские — может быть, иногда. Их не интересуют "звезды", легенды европейского кино. Относительный успех в Америке имел мой английский фильм "Левый заработок", где играл "оскароносец" Джереми Айронс — это была история о поляках, работающих в Лондоне. Особенно доброжелательно отзывались о картине кинокритики. В рейтинговом же списке 50 фильмов для кинотеатров картина занимала 44-е место. К слову сказать, в первой десятке этого списка европейских лент не бывает никогда. Так что, к сожалению, говорить о каком-то месте кино Восточной Европы в мировой, а тем более в американской киноиндустрии, пока рано. Что же касается польской аудитории, то людям, видимо, прежде всего было бы интересно прочувствовать сегодняшний день в его преломлении через экран, через видение режиссера.

Правда, сейчас все изменения в обществе происходят настолько стремительно, что уловить этот момент оказывается невероятно сложно. К примеру, если действие фильма происходит в 1996 году и он выходит на экраны в 1997-м, то зрители уже живут в некой иной реальности, поэтому зеркальное отображение действительности лучше оставить на долю телевидения или иных средств массовой информации. Другое дело, если художник ставит перед собой задачу вывести закономерность развития, разобраться в причинах того или иного социального собы-

тия, тогда есть смысл снимать кино, не стремясь передать сиюминутные ощущения.

— Что же в таком случае для вас оказывается наиболее интересным объектом такого кинематографического исследования?

— Мне, пожалуй, не удастся определить в теории, в чем для меня суть киноконтекста. Могу рассказать о том, что занимает мои мысли именно сейчас и что, к слову сказать, явилось причиной моего приезда в Россию. Я планирую сделать картину по мотивам одного из романов Михаила Булгакова, не буду пока говорить, какого именно, тем более что фильм не будет прямой киноадаптацией книги. Это история о режиссере с Запада, который приезжает в Москву и начинает работать над подготовкой проекта совместного фильма по роману Булгакова, в котором заинтересован Голливуд. Постепенно начинается взаимопроникновение двух этих историй, реальной и книжной. Герой ходит по Москве, по тем местам, где происходили события в книге, и потихоньку зритель как бы втягивается в сквозную игру, в "фильм в фильме", не совсем понимая, что происходит на съемочной площадке, а что — в жизни героя-режиссера. Для актера окажется сложной профессиональной задачей показать процесс эволюции творческого замысла вне его реального воплощения. Картина, как голливудская продукция, будет наполовину на английском, наполовину на русском языке с участием американских и русских артистов, поэтому сейчас я пересматриваю последние российские фильмы, встречаюсь с актерами. Все мои передвижения по Москве фиксируются на пленку, и это тоже послужит материалом для будущего фильма. Это более чем рискованный проект, этакая "экстраваганца". Остается только надеяться на профессионализм продюсера.

Беседовала
Нара ШИРАЛИЕВА